

Выражение «язык времени» взято Бобровым у Юнга,³⁵ но в то же время здесь ощутимо влияние образно-лексической структуры оды Державина «На смерть князя Мещерского»:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает
и т. д.³⁶

У Державина трагизм, навеянный страхом смерти, разрешается проповедью мирного наслаждения радостями жизни. У Боброва такого разрешения нет. В его стихотворении тема рокового движения времени внезапно обрывается после третьей строфы, и поэт обращается к размышлениям о своей горестной участи:

Мне судьбина отреклась
Бурю жизни отвратить,
Знать, она еще клялась
Горьку желчь свою пролить.

Далее восемь строф говорят о судьбе поэта и его благодарности Мордвинову. Бобров, вероятно, сам чувствовал, что здесь механически соединились две разнородные части: в рукописи три первые строфы отделены от остального текста знаком ~. Убрав тильду в печатном тексте, Бобров поставил на ее место еще одну строфу, пытаюсь связать обе части стихотворения и по-державински решая проблему жизни и смерти в общечеловеческом плане:

Пейте в полной чаше радости!
Пейте здравия струи!
Ощущайте жизни сладость!
Украшайте дни свои!
(Рассвет, III, 40).

От этой строфы естественным стал переход к следующей:

Мне судьбина отреклась
Бурю жизни отвратить.

До середины 90-х годов творчество Боброва развивалось в основном в русле, далеком от художественных исканий Карам-

³⁵ Ср.: «The bell strikes one. We take no note of time But from its loss. To give it then a tongue, Is wise in man. As if an angel spoke, I feel the solemn sound» (Young. The Complaint or Night-thoughts. London, 1794, стр. 5). Интересно, у А. М. Кутузова, переводившего с немецкого языка, образ Юнга — «язык времени» — исчез. Переводчик говорит о «языке колокола»: «Я слышу час бьет. Мы замечаем время по единой его утрате; премудро поступил человек, дав колоколу язык. Я чувствую важный звук сей, якобы слова ангела» (Плачь Эдуарда Юнга, ч. I, стр. 6—7).

³⁶ Видимо, эти строки оды Державина также создавались не без влияния Юнга (см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. I, 2-е академ. изд., СПб., 1868, стр. 58).